

Сюй Сань оставался дома даже в те дни, когда сельскохозяйственные работы не были заняты, что было крайне необычно. Неудивительно, что Ань Тун была так удивлена. Она считала, что только после того, как Сюй Сянжу рассказала Сюй Саню о рисках, связанных с частными проститутками, он одумался.

Сюй Сянжу слегка усмехнулась:

— Как я могла сказать ему такие вещи? Я просто рассказала моей матери о том, что некоторые посетители публичных домов заразились неизлечимыми болезнями и передали их другим, и сделала это так, чтобы он подслушал.

Ань Тун стиснула зубы. Ей казалось, что, как и говорила её мать, Сюй Сянжу действительно была человеком с глубоким умом и хитростью.

Она не говорила об этом прямо перед Сюй Санем, чтобы не уронить его достоинство, но и не могла игнорировать факт, что частные проститутки и игорные дома сговорились обманывать посетителей.

Таким образом, из страха Сюй Сань временно отказался от своих дурных привычек.

— Но это только временно. Поэтому я специально обсудила с матерью вопрос о трудовой повинности. Говорят, что следующей весной мужчин будут отправлять в Линьань для работы на канале. Только у нас нет денег, чтобы заплатить за освобождение от повинности, а в семье только мой отец — единственный трудоспособный мужчина...

— Значит, ваш отец боится, что его отправят на трудовую повинность?! — Ань Тун вдруг поняла.

Несомненно, этот метод был в сто раз эффективнее, чем просто сказать, что в семье нет денег на его развлечения. Люди эгоистичны, и когда Сюй Сань столкнулся с неизбежной трудовой повинностью, чтобы избежать её, ему пришлось бы заплатить. Но учитывая его большие расходы, у семьи Сюй не было денег на выкуп, поэтому он вынужден был оставаться дома!

Ань Тун была рада, что теперь старается быть хорошей и больше не конфликтует с Сюй Сянжу. Иначе сколько раз она могла бы получить выгоду от неё?

До самого Нового года Сюй Сань, казалось, полностью изменился, больше не ругался и не бил жену и дочь, требуя денег. Соседки, такие как тётя Ци, говорили, что он раскаялся и вернулся на путь истинный.

Сюй Сань, получив такие похвалы, неловко улыбался, но ему нравилось это чувство признания. Он несколько раз подавлял своё беспокойство и оставался в деревне Фуцю.

К тому же наступил Новый год, и даже он, будучи непутевым, понимал, что в такие дни жена и дочь не справятся со всеми делами без помощи мужчины, поэтому он не мог уйти.

Госпожа Ван из семьи Сюй, увидев, что он больше не гуляет, заплакала от счастья.

Сюй Сань, который хотел сэкономить на масле для лампы и уложить её спать пораньше, разозлился:

— Я уже, как ты хотела, помогаю по дому. Чего ты ещё плачешь? Это ужасно выглядит!

Госпожа Ван привыкла к его грубости, но радость от того, что он одумался, всё же немного угасла. Она вытерла слёзы и сказала:

— Я ждала этого дня много лет.

Сюй Сань немного растерялся, затем пробурчал:

— Чего ждала? Просто делай своё дело!

Госпожа Ван воспользовалась моментом:

— Муж, после Нового года Сянжу исполнится девятнадцать. Если мы не найдём ей жениха, будет уже поздно.

Когда Сюй Сянжу исполнилось пятнадцать и она прошла обряд совершеннолетия, многие приходили свататься. Но из-за высоких требований Сюй Саня и его огромных запросов на приданое, многие семьи в деревне Фуцю отказались.

Позже Сюй Сань становился всё хуже, и его дурная слава распространилась по окрестным деревням. К тому же Сюй Сянжу не проявляла интереса, поэтому её замужество откладывалось.

— В последнее время были свахи? — спросил Сюй Сань, удивлённый. Он ведь ничего не знал.

Госпожа Ван запнулась. Разве нельзя было самим обратиться к свахе?

Но она привыкла к несостоятельности Сюй Саня и сказала:

— Сейчас никто не осмелится прийти с предложением! Но я заметила, что старший сын Ду Даню всё ещё равнодушен к ней. Может быть...

Второй сын Ду Даню был одним из тех юношей, кто мечтал о Сюй Сянжу. Но тот мальчик, который когда-то видел её во сне, теперь вырос в крепкого парня. Однако он всё ещё был привязан к Сюй Сянжу, и даже в двадцать лет не женился.

Жители деревни Фуцю не говорили об этом вслух, но все знали, что он всё ещё хотел жениться на Сюй Сянжу, но не мог собрать столько приданого, сколько требовал Сюй Сань.

Тётя Ци и другие женщины не могли больше терпеть и говорили с госпожой Ван, убеждая её не затягивать с замужеством Сюй Сянжу. Редко кто оставался так преданным, и если она выйдет замуж за Ду, её жизнь будет спокойной.

Госпожа Ван поддавалась уговорам, поэтому и заговорила об этом.

Сюй Сань фыркнул:

— Ду Даню? У него четверо сыновей, и так мало имущества. Если они разделят наследство, что достанется Сянжу? Нет!

Госпожа Ван забеспокоилась:

— Почему ты всегда думаешь только о деньгах?

Эти слова задели Сюй Саня, и он рассердился:

— Как не думать о деньгах? Без денег ничего не сделаешь, без денег мы все умрём в Хуайнани!

Госпожа Ван, вспомнив прошлое, вздрогнула и не осмелилась больше говорить.

Сюй Сань, немного успокоившись, сказал:

— У меня есть хороший кандидат.

Госпожа Ван осмелилась спросить:

— Из какой семьи?

— Сын уездного воеводы Цзяна.

Госпожа Ван широко раскрыла глаза:

— Это невозможно!

— Я знаю, ты хочешь сказать, что у него есть брачный договор с младшей госпожой Ань. — Сюй Сань посмотрел на неё с пренебрежением. — В последнее время он часто спрашивает меня о Сянжу... и о её отношениях с младшей госпожой Ань. Я думаю, он, возможно, заинтересован в Сянжу, но беспокоится о семье Ань. Если младшая госпожа Ань и Сянжу будут ладить, то, когда Сянжу войдёт в семью Цзян, её не будут притеснять.

— Нет, это совершенно невозможно! — Госпожа Ван энергично покачала головой.

Сюй Сань хотел отдать Сюй Сянжу в семью Цзян в качестве наложницы Цзян Чэнъаня? Семья Сюй не была настолько бедной, чтобы продавать дочь. Если Сюй Сянжу станет наложницей, это разрушит её жизнь!

— Ты ничего не понимаешь. Я вижу, что Сянжу и младшая госпожа Ань стали ладить лучше. А Цзян Чэнъань — образованный человек, он обязательно сдаст экзамены и станет чиновником. Лучше быть его наложницей, чем выйти замуж за сына Ду Даню!

— Но как мы объясним это дяде и покойной тётё? Тётя перед смертью всё ещё беспокоилась о ней. Если бы она узнала, что мы отдали Сянжу в наложницы...

Сюй Сань злобно сказал:

— Зачем вспоминать их? Один ушёл в армию, не заботясь о семье, и, вероятно, давно погиб где-то. Другая уже десять лет как умерла. Если они знают что-то в загробном мире, пусть помогут нам разбогатеть!

Госпожа Ван снова заплакала, но твёрдо сказала:

— Нет, Сянжу — моя дочь, наша девочка. Я, как мать, не могу позволить ей страдать!

— Лучше страдать, чем жить в бедности.

Сюй Сянжу вздохнула и притворилась, что уронила чашку на кухне.

В комнате сразу стало тихо.

Перед Новым годом в уезде Таоцзян выпало несколько лёгких снегопадов. По сравнению с

северными метелями, снег здесь падал гораздо мягче.

В канун Нового года и в деревне Фуцю, и в уезде Таоцзян повсюду царил праздничная атмосфера. Дети, получив деньги на счастье от старших, сидели у огня и бодрствовали до утра, а взрослые, запустив фейерверки, рано легли спать.

В первый день Нового года шаловливые дети, не выспавшиеся после ночного бодрствования, всё ещё спали, и взрослые могли спокойно принимать гостей, пришедших поздравить их.

В доме семьи Ань было по-прежнему шумно. Арендаторы приходили поздравить с Новым годом и обсудить с старостой Анем условия аренды на следующий год. Большинство арендаторов подписывали договоры на пять или десять лет, а некоторые — только на один год. Видя, что семья Ань справедлива, они хотели продлить договоры.

Семья Ань использовала два вида аренды: разделение урожая и фиксированная аренда. Разделение урожая обычно выбирали арендаторы, у которых не хватало рабочих рук, сельскохозяйственных орудий и инвентаря, так как в случае плохого урожая семья Ань получала меньше налогов, поэтому они вмешивались в процесс.

Большинство арендаторов выбирали фиксированную аренду, и семья Ань не контролировала их методы работы и не заставляла их работать на себя. Эти арендаторы, имея семьи, могли найти другую работу, чтобы подработать.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16381/1482438>